

Учение о Троицѣ св. Амвросія Медиоланскаго.

(Продолженіе) ¹⁾.

Если мы теперь обратимся къ св. Амвросію, то безъ большихъ трудностей замѣтимъ, что его собственная схема въ существенномъ одинакова со схемою Тертуллиана. Это долженъ подтвердить анализъ его основныхъ тринитарныхъ терминовъ.

Начнемъ съ слова *natura*. „Всѣ летающія существа, принадлежащія къ одному и тому же роду (*eiusdem generis*), обладаютъ также одной и той же природой (*eiusdem utique et naturae sunt*), такъ что у всѣхъ орловъ существуетъ одинъ родъ и одна природа (*unum genus et una natura est*), какъ и у коршуновъ и у остальныхъ по роду своему летающихъ“ ²⁾. Ясно, что, по мнѣнію св. Амвросія, *natura* есть то, что принадлежитъ многимъ индивидуамъ одного и того же рода (*generis*) и по своему содержанию и объему ничѣмъ не отличается отъ *genus*; а это есть въ сущности то же, что мы отмѣтили у Тертуллиана. *Natura* — это общее понятіе, подъ которое подводится каждое частное понятіе съ цѣлію объясненія этого послѣдняго. „Если я вообще скажу: Сынъ и не прибавлю, чей Сынъ, то можно понимать (подъ этимъ) и сына человѣческаго и сына неправды и сына погибели и сына діавола.... И потому въ наименованіи сыновъ нѣтъ обозначающаго природу выраженія. Но если я желаю обозначить *naturam*, то я или наименоваю человѣка, или же на-

¹⁾ См. Июль-Августъ, 1910 г. стр. 469—481

²⁾ De incarnationis Dominicae sacramentо IX. 102.

зову коня или же птицу, чтобы можно было понять, о какой природѣ идетъ рѣчь“ ¹⁾).

Совѣмъ иной смыслъ соединяетъ Амвросій съ понятіемъ *substantia*. „Что такое *oὐσία*, спрашиваетъ онъ, если не *oὐσα αἰεί*, т. е. то, что всегда пребываетъ? Но то, что существуетъ и существуетъ всегда, есть Богъ и потому всегда пребывающей *oὐσία* называется *divina substantia*“ ²⁾. Здѣсь пока только опредѣляется матеріальное содержаніе понятія, но еще не указывается его отношеніе къ субъекту. Такой же смыслъ имѣетъ и мѣсто *De incarnationis Dominicae sacramento*: „Когда говорится объ *oὐσία* Бога, то что иноеэтимъ обозначается, какъ не то, что Богъ всегда существуетъ? Это выражаютъ и самыя буквы, потому что *vis divina*, какъ *oὐσα αἰεί*, т. е. какъ всегда бывающая носить названіе *oὐσία* (слово, происходящее отъ *oὐσα αἰεί*) путемъ измѣненія порядка буквъ ради благозвучія, краткости и красоты рѣчи“ ³⁾ Но существенно иначе звучатъ уже слѣдующія слова епископа: „Совершенъ Отецъ, Который всегда пребываетъ. Поэтому на греческомъ языкѣ и говорится объ Его *oὐσία* вслѣдствіе того, что онъ всегда существуетъ, или по-латыни, идетъ рѣчь о *Ego substantia*, такъ какъ Онъ пребываетъ своею собственною силою и не существуетъ чужою помощію“ ⁴⁾. Здѣсь уже ясно *substantia* отождествляется съ Ипостасью Отца и слова Амвросія напоминаютъ знаменитое тертулліановское *Pater tota substantia*, только въ нѣсколько смягченномъ видѣ.

Какъ въ пониманіи слова *natura*, такъ и въ опредѣленіи понятія *substantia* Амвросій идетъ, такъ образомъ, совершенно другимъ путемъ, чѣмъ каппадокійцы: во-первыхъ, употребляя безразлично понятіе *φύσις* и *οὐσία*, они въ отличіе отъ Амвросія не пытаются ихъ опредѣленнымъ образомъ разграничивать ⁵⁾; во-вторыхъ, если у Амвросія *substantia* ото-

1) *De incarnationis Dominicae sacramento* IX, 97.

2) *De fide* III, XV, 127

3) *De fide* IX, 100.

4) *De incarnationis Dominicae sacramento* X, III Въ виду громадной важности этого мѣста для опредѣленія слова *substantia* приводимъ его въ подлинникъ цѣликомъ. *Est ergo perfectus Pater, qui semper est. Ideo Eius vel οὐσία graece, quod sit semper; vel latine, quod in suo maneat, nec ore subsistat aliena, oppellatur substantia.*

5) Спасскій *op. cit.* стр. 501

ждествляется съ Ипостасью Отца, то для каппадокійцевъ *οὐσία* есть родовое понятіе, стоящее выше понятія Ипостаси и подчиняющее его себѣ. У всѣхъ людей, говоритъ св. Василій, существуетъ *οὐσία μία; οὐσία*,—слѣдовательно представляетъ собою вещественное подлежащее (*τὸ ὄντιον ὑποκειμένον*), которое дѣлается индивидуальной вещью, индивидуальнымъ существомъ только вслѣдствіе присоединенія къ ней извѣстныхъ отличительныхъ свойствъ (*ἰδιώματων*) ¹⁾. Она есть общее, *τὸ κοινόν* каждой вещи ²⁾. По своему значенію каппадокійское понятіе объ *οὐσία* совпадаетъ съ представленіемъ Амвросія о *natura*; онъ иногда и употребляетъ выраженіе *communis* примѣнительно къ *natura* Лицъ св. Троицы ³⁾, но нигдѣ не говоритъ о *communis substantia*. Его *substantia* до нѣкоторой степени покрывается съ тѣмъ, что св. Василій называетъ *ἐπόστασις*; эта ипостась для него есть *τὸ κοινὸν καὶ ἀπεριόριστον ἐν τῷ τινὶ πράγματι*, изображаемое чрезъ посредство *ἰδιώματε* ⁴⁾; говоримъ: только до нѣкоторой степени, потому что каппадокійская *ἐπόστασις* есть *οὐσία* вмѣстѣ съ индивидуальными признаками ея. Что же касается Дидима, то онъ стоитъ здѣсь ближе къ Амвросію, чѣмъ св. Василій: смѣшивая въ духѣ староникейцевъ понятія *οὐσία* и *ἐπόστασις*, онъ говоритъ иногда о *πατρική οὐσία* св. Троицы ⁵⁾. Но въ виду вышеизложеннаго, значеніе этого сходства не должно переоцѣнивать, такъ какъ и совершенно независимо отъ Дидима св. Амвросій имѣлъ для своей тринитарной схемы весьма авторитетный прецедентъ на западѣ.

Дальнѣйшій моментъ въ понятіи слова *substantia* составляетъ ея *proprietas*. „Если назовешь созданнаго или сотвореннаго, что иногда утверждаютъ о Сынѣ (Божіемъ), то въ виду того, что многіе созданы или сотворены, этимъ обозначено *non proprietatem substantiae*, но *speciem qualitatis*. *Aliud enim substantia, aliud qualitas est*“ ⁶⁾. Эти слова св. Амвро-

1) С. Eunom. II, 4. М. 577; Рус. перев. ч. III, 54.

2) Epistola XXXVIII, 3. М. 328 В.

3) De fide I, IV, 31.

4) Epistola XXXVIII, 3. М. 328 В.

5) De Trinitat. II, VII. М. 577 В.

6) De incarnat. Domin. Sacr. IX, 100.

сія не могутъ оставлять никакого сомнѣнія въ томъ, что 1) индивидуальный образъ существованія той или иной вещи надлежитъ строго отличать отъ *proprietas substantiae* этой вещи; и что 2) эта *proprietas* въ существѣ дѣла есть ничто иное, какъ сама *substantia*. Въ другомъ мѣстѣ *proprietas substantiae* Амвросіи отождествляетъ съ единствомъ Существа Божія ¹⁾, очевидно, показывая, что *proprietas* относится къ такимъ свойствамъ субстанции, безъ которыхъ она теряетъ свой характеръ Божественности. Что Отецъ и Сынъ составляютъ едино, это обуславливается *per substantiae proprietatem* ²⁾. Иногда вмѣсто *proprietas substantiae* рѣчь идетъ о *proprietas divinitatis*, такъ какъ въ Богѣ *Divinitas* и *substantia* совпадаютъ, причѣмъ смыслъ остается совершенно тотъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ: *et virtus Dei in Divinitatis proprietate est.* ³⁾ Далѣе, *proprietas* же *deitatis* образуютъ понятія: *generatio, Deus, Filium, Verbum,* ⁴⁾—опять доказательство, что *proprietas* не есть индивидуальное свойство отдѣльныхъ ипостасей, такъ какъ она совмѣщаетъ въ себѣ такія различныя въ ипостасномъ смыслѣ свойства какъ *generatio* и *Filius-Verbum*, и, слѣдовательно, стоитъ выше этихъ особенностей. Такъ какъ у Амвросія мы встрѣтили Тертуллиановское отождествленіе субстанции съ Ипостасью Отца, то теперь мы вправѣ ожидать у него и отождествленія *proprietas substantiae* съ *proprietas* собственно одного только Отца. И такое отождествленіе мы дѣйствительно встрѣчаемъ: *generatio*, которое выше объявлялось какъ *proprietas divinitatis*, считается *paterna proprietas*—*generatio autem paternae proprietatis est.* ⁵⁾ Выводъ изъ всего этого очевиденъ: какъ и у Тертуллиана, *proprietas* Божественной субстанции есть то, что дѣлаетъ эту субстанцію именно субстанціей Божественной; вся совокупность ея наисущественнѣйшихъ и необходимыхъ свойствъ; къ ихъ числу между прочимъ принадлежитъ и свойство рождать Сына, быть Единою и т. д.

Собственно у Тертуллиана такой актъ Божественной жизни какъ *generatio* еще не считается *proprietas substantiae*, хотя

¹⁾ De fide I, III, 27.

²⁾ De Spiritu Sancto II, XII, 135

³⁾ De fide I, XVII, 112.

⁴⁾ De fide II Prolog 2

⁵⁾ De fide IV, VIII, 81.

понятіе *proprietas* имъ же выдвинуто; да этого и не могло быть по самому существу его тринитарной позиціи. На примѣрѣ Амвросія мы теперь можемъ наблюдать, какъ по мѣрѣ того, какъ въ разгарѣ антиаріанской полемики понятіе Божественнаго рожденія поднялось на высоту понятія имманентныхъ свойствъ Божества, на западѣ оно было включено, какъ отдѣльный признакъ, въ составъ болѣе широкаго понятія *proprietas substantiae*. Амвросій доказываетъ свою мысль аналогіей человѣческаго рожденія: „на примѣрѣ человѣческаго рожденія мы наблюдаемъ, что и слабые могутъ имѣть сыновей и болѣе сильные могутъ не имѣть ихъ; могутъ имѣть рабы, но не имѣть господа; могутъ имѣть убогіе, тогда какъ могутъ не имѣть люди вліятельные“ ¹⁾.—„Между самыми людьми имѣть или не имѣть сыновей есть дѣло не могущества (*non potentiae esse*), но *paternae proprietatis*: ибо способность рождать не находится во власти нашей воли, но въ *corporis qualitatis*: если бы это было дѣломъ могущества, то болѣе могучій имѣлъ бы многихъ (сыновей)“ ²⁾.

Вслѣдствіи отождествленія субстанціи съ Отцомъ и отнесенія рожденія къ числу *proprietas* этой субстанціи, Амвросій очень часто говоритъ о рожденіи Сына изъ субстанціи Отца: *Synus ex Patris processit substantia et in ipso est semper*; ³⁾ говоритъ объ Отцѣ, какъ о корнѣ Сына: Отецъ—*radix est Filii* ⁴⁾: называетъ Отца Источникомъ Сына и Корнемъ Его: *Pater fons Filii est. radix Pater Filii est*. ⁵⁾ Подобныя выраженія у Амвросія не примѣняются къ Ипостаси Духа Св. и объ Его исхожденіи отъ Отца, какъ о *proprietas substantiae*, вовсе нѣтъ рѣчи; но это только обнаруживаетъ слабую сторону въ его ученіи о Духѣ Св., Котораго онъ, повторимъ еще разъ, не связалъ тѣснѣйшимъ образомъ съ Божественной субстанціей.

Приведенныя выраженія Амвросія о Сынѣ нѣсколько напоминаютъ намъ староникейцевъ и послѣ нихъ Дидима, который со свойственной ему неустойчивостью догматической терминологіи наряду съ выраженіями, что Сынь рож-

¹⁾ De Fide IV, VIII, 81

²⁾ *ibid* IV, VIII, 81.

³⁾ De patriarchis 11, 51

⁴⁾ Expos Evang. Lucae IX, 5.

⁵⁾ De fide IV. X, 132.

день *ἐκ τῆς ὑποστάσεως τοῦ πατρὸς* ¹⁾, смѣшивая *ὑπόστασις* съ *οὐσία*, употребляетъ также и выраженія о рожденіи *ἐκ τῆς οὐσίας πατρὸς*, *ἐκ πίσεως τῆς οὐσίας πατρὸς* ²⁾; онъ говоритъ также о *πατρικῇ ὁίσᾳ οὐσία* ³⁾. Есть у св. Амвросія въ данномъ случаѣ нѣчто общее также и съ каппадокійцами, хотя и въ гораздо меньшей степени: мы имѣемъ въ виду всѣ тѣ случаи, гдѣ св. Василій говоритъ объ Отцѣ, какъ о началѣ и причинѣ (*αἴτιος καὶ ἀρχὴ* Сына) ⁴⁾, какъ объ источникѣ (*πηγή*) Сына ⁵⁾—понятія не безызвѣстныя и св. Григорію Богослову ⁶⁾. Тѣмъ не менѣе по существу дѣла ни староникейцы, ни Дидимъ, ни каппадокійцы не могли имѣть большаго значенія при образованіи представленій Амвросія. Главное значеніе въ этомъ случаѣ мы должны признать исключительно за Тертуллианомъ. Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что и Амвросій въ числѣ многихъ другихъ тринитарныхъ аналогій приводитъ тѣ самыя, какія мы отмѣтили уже у Тертуллиана: Отецъ родилъ Сына, а сынъ никого изъ себя не рождалъ, потому что *et fons fluvium generat, et fluvius fontem ex se ipse non generat* ⁷⁾; эта аналогія примѣняется также и къ Св. Духу, который сравнивается съ рѣкой, протекающей изъ Источника ⁸⁾. Если же, кромѣ того, существуетъ сходство между нимъ и староникейцами и Дидимомъ, то оно можетъ быть объяснено, какъ разъ наоборотъ, вліяніемъ на послѣднихъ писателей западныхъ. Это, конечно, только предположеніе, но все же оно имѣетъ для себя нѣкоторое основаніе въ томъ, что на востокѣ борьба за никейскій символъ велась при полномъ сочувствіи запада, а иногда даже при его содѣйствіи. Что же касается собственно каппадокійцевъ, то въ отличіе отъ нихъ Амвросій не только не обнаруживаетъ склонности къ употребленію терминовъ, буквально соответствующихъ ихъ понятіямъ *αἴτια* и *ἀρχή*, но и поставляетъ Сына совсѣмъ въ другія отношенія къ

¹⁾ De Trinitate I, XXXVI, M. 441 A: XV, 320 A

²⁾ *ibid* I, X, 292 A: см. подборъ цитатъ у Leipold. ss. 105—106.

³⁾ De Trinitate II, VII, 577 B; Leipold. s. 106.

⁴⁾ C. Eunom I, 25. M. 568 B; Рус. пер. ч. III, 47.

⁵⁾ C. Eun. II, 21; M. 617 C. Рус. пер. ч. III, 81

⁶⁾ Θεολογικὸς τεταρτὸς § 7, s. 119 Рус. пер. ч. III, 85 (примѣчаніе 7)

⁷⁾ De fide IV, VIII, 95.

⁸⁾ De Spiritu Sancto I, XVI, 156.

Божественной сущности, чѣмъ это дѣлали они. Вѣдь у каппадокійцевъ Сынъ есть порождение не Божественной субстанции, какъ у Амвросія, не *οὐσία*, которая имѣетъ значеніе только умопредставляемаго въ отдѣльныхъ ипостасяхъ, но всего лишь особой *ιδιότητος, ιδιώματος* этой сущности—*πατρότης* (св. Василиій). Каппадокійцы не знаютъ формулы рожденія Сына *ἐκ τῆς οὐσίας πατρός*, неизмѣнно указывая на рожденіе Сына просто отъ Отца: *ἀρχὴ δε τοῦ υἱοῦ ὁ πατήρ*¹⁾. А потому въ то время, какъ у св. Амвросія участіе Сына въ Божественной субстанции оказывается весьма понятнымъ и очевиднымъ, у св. Василия, по справедливому выраженію Ноллія, „остаётся непонятнымъ, какимъ образомъ, если *πατρότης* не есть опредѣленіе самой *οὐσίας, πατήρ*, какъ именно *πατήρ*, посредствомъ рожденія (*γέννησις*), можетъ производить *θεότης* Сына“²⁾. Характерно также отношеніе каппадокійцевъ къ тертулліановскимъ аналогіямъ, усвоеннымъ Амвросіемъ. Объ этомъ мы узнаемъ отъ св. Григорія, который не рѣшается пользоваться аналогіей родника и потока (*ὀφθαλμὸν, καὶ πηγὴν καὶ ποταμὸν*), между прочимъ, и изъ опасенія внести въ Троицу численное единство, такъ какъ родникъ, ключъ и потокъ составляютъ единое по числу (*ἐν ἐστίν ἑριθμῶ*), будучи только лишь различнымъ образомъ изображены (*διαφόρως σχηματίζομενα*)³⁾; св. же Амвросій на этомъ именно и построилъ всю свою схему.

Божественная (субстанція) *substantia*, не смотря на свое единство, заключаетъ въ себѣ всетаки нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ: эти моменты, вносяшіе въ нее разнообразіе, на языкѣ Амвросія, какъ и на языкѣ Тертулліана, называются ея *qualitates*, качествами. Различіе *qualitates* зависитъ отъ различія образа возникновенія различныхъ моментовъ субстанции. „Когда я называю Сына, то обозначаю этимъ Рожденнаго; равнымъ образомъ, когда именую Отца, то объявляю (этимъ), что Онъ родилъ. Итакъ, не допускай въ этомъ случаѣ различія природы (*natura discretionem*), такъ какъ это есть обозначеніе (*significatorium*) Родившаго и Рожденнаго: а обозначенія (*significatoria*) этого рода выражаютъ *substantiae*

¹⁾ С. Eunom II, 12. М. 593 В; Рус. пер. ч. III, 65

²⁾ Amphilochius von Iconium, s. 148

³⁾ *Θεολόγικος περὶ τριτος*. § 31, s. 186. Рус. пер. ч. III, 107—108.

qualitatem“¹⁾. Совершенно въ одинаковомъ смыслѣ съ терминомъ *qualitas substantiae* Амвросій употребляетъ и терминъ *species substantiae*, и въ данномъ случаѣ оставаясь вполне вѣрнымъ духу тертулліановской традиціи. Сказавши, что каждый родъ летающихъ имѣетъ свою общую природу, онъ непосредственно послѣ этого продолжаетъ: (относительно того), какимъ образомъ начали существовать (*quemadmodum... autem coeperunt esse*) летающіе, мы открываемъ (между ними) *tres species* и узнаемъ, что причины ихъ происхожденія различны (*ortus eorum causas legimus esse diversas*)... Такимъ образомъ, принадлежащія къ одному роду различнымъ образомъ начинали свое существованіе (*diverso modo esse coepisse*): одни (возники) изъ воды, другіе—изъ земли, третьи—путемъ полового оплодотворенія и пр.“¹⁾. Это *quo modo coepisse*, какъ условіе образованія отдѣльныхъ *species*, примѣняется и къ Лицамъ св. Троицы: „*Ousia* обозначаетъ то, что Богъ всегда существуетъ; наименованіе (*appellatio*) же нерожденнаго (*ingeni*ti), какъ ты желаешь (противъ арианъ), или рожденнаго (*geni*ti) объясняетъ, *quomodo sit*, т. е. что не *ex alio* существуетъ Отецъ, не *ex se*—Сынъ. Здѣсь *species* различны (*diversa*). Однако хотя раздѣльны (*distincta*) *species*, нераздѣльною, остается Божественность (*sed indistincta Divinitas*)²⁾. Если, сверхъ того, Амвросій употребляетъ еще и терминъ *persona*, то подъ нимъ въ существѣ дѣла онъ разумѣетъ тотъ же самый *species*—*qualitas substantiae*.

Должно замѣтить, что общая съ Тертулліаномъ тринитарная позиція Амвросія, именно, его понятіе о *substantia*, далеко не благоприятствовало точному опредѣленію индивидуальных особенностей каждой изъ ипостасей. Здѣсь его положеніе было даже менѣе благоприятно, чѣмъ положеніе Тертулліана, потому что, если послѣдній не могъ найти прочной метафизической опоры, то онъ все же нашелъ ее въ своемъ ученіи о Божественной экономіи или монархіи; для Амвросія же этотъ послѣдній мотивъ уже не имѣлъ значенія. Къ тому же мы очень скоро увидимъ, что онъ такъ рѣзко, какъ лишь немногіе изъ церковныхъ писателей, отстаивалъ абсолютное равенство Ипостасей и тождество ихъ

¹⁾ De incarnation. Domin. Sacram. IX. 102

²⁾ ibid. IX, 100.

дѣйствию. Изъ этой безпомощности помогли ему выйти до нѣкоторой степени каппадокійцы, стоявшіе на прочной почвѣ въ дѣлѣ разграниченія Ипостасей. Уже отъ нихъ, вѣроятно, происходитъ усвоенный Амвросіемъ принципъ для разграниченія Ипостасей, какъ *quomodo sit*. Именно, св. Василій Великій въ противовѣсъ Евноміанамъ, изъ различія понятій „рожденный“ и „нерожденный“, выведившихъ различіе сущности Рожденнаго и Нерожденнаго, выставилъ положеніе, что эти имена означаютъ не то, что такое Богъ (*τι ἔστιν*), но какъ существуетъ Богъ (*ὅπως ἔστιν*) ¹⁾. Зависитъ Амвросій отъ Василія отчасти и въ области терминологіи, выражающей ипостасныя различія свойствъ. Но и при всемъ этомъ въ опредѣленіи отличительныхъ особенностей Ипостасей ему не удалось сравняться къ каппадокійцами. Св. Василій, хотя и подозрительно относится къ понятію „нерожденный“ (*ἀγέννητος*), однако считаетъ его близко подходящимъ къ православнымъ понятіямъ и потому употребляетъ его относительно Отца въ томъ смыслѣ, что Отецъ не происходитъ ни отъ кого другого (Отецъ *μόνος ἐξ ὁυδενὸς ἔστιν ἕτερον*) ²⁾; такъ и Амвросій осуждаетъ этотъ терминъ, какъ не засвидѣтельствоваанный авторитетомъ Писанія (*ingenitum in scripturis divinis nusquam invenio*) ³⁾, но всетаки иногда употребляетъ его въ томъ же смыслѣ, какъ и Василій ⁴⁾. Выраженію Василія относительно Сына „Рожденный“ — *γεννηθείς* ⁵⁾, *γεννητός* ⁶⁾ въ общемъ у Амвросія соотвѣтствуетъ *genitus, generatus* въ смыслѣ происхожденія отъ Отца ⁷⁾; хотя необходимо имѣть въ виду, что терминъ *genitus* употреблялся уже издревле на западѣ и очень часто встрѣчается, напримѣръ, у Новаціана: *genitus* ⁸⁾, *genitus a Patre* ⁹⁾. Чего-нибудь соотвѣтствующаго выраженію Василія о Сынѣ *γέννημα* ¹⁰⁾ (порожденіе) у Амбро-

1) С. Eunom. I, 15, 545 В; Рус. пер. ч. III, 34—35.

2) *ibid* I, 5, М 516, Д Рус. пер. ч III, 16—17

3) *De incarnat Divinae Sacram.* VIII, 80

4) *ibid.* IX, 100; 97.

5) С. Eunom. I, 25, М 568 ВС; Рус. пер. ч. III, 47—48.

6) *ibid.* II, 28. М. 637 С; Рус. пер. ч. III, 94.

7) *De incarn. Domin. Sacramento* IX, 97; 98; *de fide* I, VII, 28; XVII, 110;

8) *De Trinitate* XXII, al. XVII:

9) *ibid.* с XXXI;

10) С. Eunom. II, 9, 588 с; Русск. перев. ч. III, 61;

сія мы не встрѣчаемъ, какъ не встрѣчаемъ у него слѣдовъ знаменитыхъ *ιδιότητι* Василія: *πατρότης, υἱότης* и *ἀριστηκῆ δύναμις* ¹⁾. Еще менѣе мы можемъ находить у него очень обычное обозначеніе Ипостасей у св. Григорія: *γέννησις, γέννησις* и *εκλόρεσις* ²⁾. Въ нѣкоторой терминологической зависимости Амвросій стоитъ также отъ Дидима: какъ послѣдній для обозначенія Ипостаси Отца предпочтительно предъ другими употребляетъ причастную форму—*γεννησας* ³⁾, такъ и Амвросій употребляетъ причастную форму *generans* ⁴⁾. Наряду съ этими для Ипостаси Сына часто употребляются и старинныя западныя выраженія: *natus* ⁵⁾, *ex Patre natus* ⁶⁾, какъ у Новаціана—*ex Patre natum* ⁷⁾; или же *ex Patre nasendo prodit* ⁸⁾, тоже въ духѣ Новаціана ⁹⁾. Но насколько Амвросію въ данномъ случаѣ не удалось достигнуть отчетливости, видно изъ того, что одно и тоже понятіе *processit* безразлично употребляется имъ и въ отношеніи къ св. Духу и въ отношеніи къ Сыну: *Filius a Patre processit*¹⁰⁾; это опять объясняется тѣмъ, что издавна на западѣ терминъ *processit* употреблялся въ такомъ безразличномъ смыслѣ, какъ это видно изъ сочиненій того же Новаціана ¹¹⁾.

Итакъ, ясно, что Амвросій утверждаетъ единство Божественной *substantiae* и Троичность Лиць. Выражаясь его словами, въ Троицѣ есть *unitas*, но нѣтъ *singularitatis*: потому что *unitas* обозначаетъ собою единство субстанціи, а *singularitas* относится *ad personam*, то-же, что мы уже встрѣчали у Тертулліана; отсутствіе *singularitatis* не нарушаетъ единства сущности, потому что *plura* существуетъ тамъ, гдѣ *diversae substantiae sunt* ¹²⁾. Насколько дѣло касается сущности, то су-

¹⁾ Epist. 214, 4; M. 789 B; Русск. пер. ч. VII, 95;

²⁾ Θεολογ. περὶ τοῦ § 29, s. 182; P. пер. ч. III, 105; ep. Holl Amphilochius von Ikonium, s. 169;

³⁾ De Trinitate III. II; M. 789 AB;

⁴⁾ De incarn. Domin. Sacram. IX, 98, de fide

⁵⁾ De fide I, X, 65;

⁶⁾ ibid. I, XVIII, 118;

⁷⁾ De Trinit. c. XXVI. al. XXI;

⁸⁾ De fide I, XVII, 110;

⁹⁾ De Trinitate c. XXXI;

¹⁰⁾ De fide IV, X, 132; in ps. 61 ennar. 9,

¹¹⁾ De Trinitate c. XXXI;

¹²⁾ De fide V, III, 46;

существуетъ una atque eadem substantia trinitatis ¹⁾; plenitudo divinitatis in Filio non discrepans, sed una divinitas; nec confusum, quod unum est; nec multiplex, quod indifferens ²⁾. Sempiternae divinitatis in Patre et Filio inseparabilis (недѣлимое) unitas ³⁾ Отецъ и Сынъ distinctionem habent, какъ Отецъ и Сынъ, но не имѣютъ separationem divinitatis ⁴⁾. Въ Отцѣ и въ Сынѣ nulla distantia divinitatis ⁵⁾. Trinitatis una Deitas ⁶⁾. Deitas Отца и Сына una et eademque ⁷⁾. Богъ Отецъ inseparabilis Словоу, inseparabilis силою, inseparabilis премудростью per divinae unitate substantiae; имъ принадлежитъ non duae divinitates, sed una divinitas ⁸⁾. Indistincta distinctae incomprehensibilis et inenarrabilis substantia Trinitatis. Слѣдуетъ знать distinctionem Отца, Сына и св. Духа, но не confusionem; distinctionem, но не pluralitatem ⁹⁾. Лица св. Троицы представляютъ собою unum in unitate substantiae, sed distinctione unius cujusque personae. Trinitas означаетъ distinctionem personarum ¹⁰⁾. Въ Троицѣ sola Divinitas; alius Отецъ, alius Сынъ и alius Духъ св.; solum дѣлаетъ divinitas, a generatio—Отца и Сына ¹¹⁾. Unus Deus, quia una Deitas ¹²⁾. Между Отцомъ и Сыномъ существуетъ generationis distinctio ¹³⁾.

Техническими терминами для выраженія этого единства субстанціи при существованіи отдѣльных ипостасей у Амвросія служатъ *ὁμοούσιος* и *similis, similitudo*. *Ὅμοούσιος* предполагаетъ и единство и различіе. „Напрасно нѣкоторые отклоняютъ слово *ὁμοούσιον* по причинѣ савелліанъ и въ этомъ обнаруживаютъ свою неопытность; потому что *ὁμοούσιον* можетъ быть (что-либо) не въ отношеніи къ самому себѣ, но въ отношеніи одного къ другому. Поэтому мы справедливо

1) In ps. 40 enar. 20;

2) De fide I, II, 17;

3) ibid. I, VIII, 57;

4) ibid. II, III, 33;

5) ibid. II, VIII, 73;

6) ibid. II, XII, 107;

7) ibid. III, III, 15;

8) ibid. IV, III, 35;

9) ibid. IV, VIII, 91;

10) In ps. I enar. 22;

11) Expos. Evong. Lucae II, 12;

12) ibid. IX, 4;

13) De fide I, II, 16;

называемъ Сына *ὁμοούσιον* Отцу, такъ какъ этимъ словомъ обозначается и различіе Лицъ (*et personarum distinctio*) и единство природы (*naturae unitas*)¹⁾. Дальнѣйшаго анализа понятія Амвросіи не даетъ. Понятіе *similis, similitudo* также обозначаетъ субстанціальное единство. *Similis* означаетъ сходство *per omnia*, не *secundum speciem*, но *secundum veritatem*; не *secundum partem*, но *secundum plenitudinem Divinitatis et perfectionem similis sit Filius Patri*. Это — *similitudo secundum naturam* въ отличіе отъ *similitudo secundum imitationem*, — *similitudo*, простирающееся даже до *unitatis naturae atque substantiae*²⁾. Самое понятіе *similitudo* употреблялось на западѣ, какъ мы видѣли, въ такомъ же смыслѣ и ранѣе, такъ что если Дидимъ и св. Василій очень часто оперируютъ съ аналогичнымъ понятіемъ *ὁμοιος*, то они не могли сообщить Амвросію ничего новаго; но все же мотивировка, объясненіе возможности субстанціального *similitudinis* Отца Сыну напоминаетъ намъ мотивировку Дидима и Василія. Послѣдній въ объясненіе этого пользовался тѣми же самыми аналогіями, какими онъ иллюстрировалъ вѣчность рожденія. „Невозможно, говоритъ онъ, быть сіянію (*ἀκτύωσις*) несообщимаго по естеству (τοῦ ἀκινωωμένου κατὰ τὴν φύσιν)“³⁾; Христосъ называется сіяніемъ (*ἀκτύωσις*) и образомъ Ипостаси (*χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως*), чтобы мы узнавали изъ этого единосущіе (τὸ ὁμοούσιον)⁴⁾. Еще чаще эта мотивировка встрѣчается у Дидима. „И образъ Ипостаси (*καὶ χαρακτήρ ὑποστάσεως*) означаетъ тождество (τὸ ταυτόν) и неотличимость (*ἀλλοτρίων*) природы (τῆς φύσεως)⁵⁾; и, какъ образъ Ипостаси, Сынъ во всемъ есть образъ (*πρὸς πάντα χαρακτήρ*)“⁶⁾. Аналогично этому Амвросіи доказываетъ *similitudo* Ипостасей понятіями *splendor, character, speculum, imago*⁷⁾. „Сынъ Божій называется *imago et splendor et character*; потому что эти (названія) открываютъ въ Немъ непостижимую и неизслѣдимую

1) De fide III, XV, 126;

2) De incarnat. Domin. Sacram. X, 106, 107, 110, 111, 95;

3) С. Eunom I, 18. М. 553 А; Русск. перев. ч. III, 39;

4) ibid. I, 20. М. 556 С; Русск. перев. ч. III, 41;

5) De Trinitate III, II. М. 789 D;

6) ibid. I, XVI, М. 333 А;

7) De fide II, prolog. 2;

Божественность Отцаго Величія и *expressam similitudinem*“¹⁾. Одна природа (*una natura*) и сіянія и свѣта²⁾.

Собственно этимъ Амвросіѣ уже въ должной мѣрѣ утвердилъ единосубстанціальность Божественныхъ Ипостасей, и этого было бы вполне достаточно, если бы у него понятія *natura* и *substantia* совпадали. Но при томъ разграниченіи, какое Амвросіѣ дѣлаетъ между этими понятіями, единство субстанціи еще не гарантируетъ единства *naturae*. Онъ самъ могъ подмѣтить или ему могли указать аріане, что различныя *species* единой субстанціи могутъ настолько расходиться въ своихъ индивидуальныхъ свойствахъ, что не подойдутъ подъ понятіе *una natura*. Отсюда Амвросію предстояла задача доказать, что то, *quod unius est substantiae, separari non potest*³⁾. Этимъ объясняется, вѣроятно, также и то, что понятіе *natura*, которое вообще мало употреблялось въ тринитарной схемѣ Тертуллиана, занимаетъ въ ученіи Амвросія центральное мѣсто: вѣдь Тертуллиану противъ Проксея достаточно было показать, что происшедшее изъ субстанціи есть въ извѣстномъ смыслѣ *aliud*, и сверхъ того, противъ упрека въ политеизмъ, доказать, что это *aliud* всетаки не можетъ быть отдѣлимо отъ субстанціи, въ чемъ легко было убѣдиться уже изъ самаго понятія о субстанціи. Амвросію же этого было мало: чтобы защитить себя отъ аріанъ, ему нужно было показать не только то, что происшедшее изъ субстанціи есть составляющее съ нею единство *aliud*, но также и то, что это *aliud* и произведшая его субстанція совершенно идентичны въ своихъ существенныхъ свойствахъ и, слѣдовательно, имѣютъ *unam naturam*. Въ этомъ его задача отчасти совпала съ задачей каппадокійцевъ. Онъ поэтому и воспользовался тѣми доводами, какія нашелъ у послѣднихъ.—Единство природы Ипостасей у Григорія Богослова между прочимъ доказывалось ссылкой на примѣръ Адама и его потомковъ, которые произошли различнымъ образомъ, но обладаютъ одной сущностью; слѣдовательно, различно происшедшіе могутъ быть одной сущности (*τὰ διαφορῶς ἐποβάρτα τῆς αὐτῆς εἶναι οὐσίας ἐνδέχασθαι*)⁴⁾. Отъ него эта аналогія пе-

1) *ibid* II, prolog. 8;

2) *ibid*. IV, VIII, 95;

3) *De fide* V, III, 46;

4) *Θεολογ. πικτωρ.* § 11, s. 158; Русск. перев. ч. III, 91;

решла къ Дидиму: Адамъ и Ева, нерожденные и не имѣвшіе Отца, были однако по природѣ (τῆ φύσει) равны намъ, родившимся изъ нихъ ¹⁾; Сиеъ не былъ *ἕτεροούσιος* въ отношеніи къ Адаму ²⁾. Вѣроятно, уже чрезъ посредство Дидима эта аналогія перешла и къ Амвросію. „Адамъ, хотя и былъ образованъ изъ земной грязи, но родилъ сыновей *suae consortes naturae*... Слѣдовательно, въ сыновьяхъ и отцѣ начала различны, но *humanae conditionis una natura*... Если сынъ (у людей) подобенъ отцу и въ томъ, что по причинѣ слабости *humanae conditionis* не можетъ имѣть полноту подобія (*similitudinis plenitudinem*), то какимъ образомъ можетъ быть неподобнымъ Богу Отцу Истинный Сынъ?“ ³⁾ Указываетъ Амвросій на аналогію Плоти Христовой. „Что можетъ быть столь родственно по природѣ (*unius naturae*), какъ наше тѣло, съ дѣйствительностью Плоти Христовой? То и другое произошли изъ различныхъ причинъ, изъ различныхъ началъ: плоть Господа рождена по наитіи на Дѣву св. Духа и не ожидала обычнаго сношенія мужчины и женщины; наше же тѣло, если только способныя къ произведенію дѣтей сѣмена мужскаго равно какъ и женскаго пола не покрываютъ естественныхъ вмѣстилищъ, не можетъ образоваться въ материныхъ внутренностяхъ. И однако, хотя причина рожденія въ томъ и другомъ случаѣ была различна, но плоти во Христѣ *una natura est* со всѣми людьми ⁴⁾.“ Есть также ссылка на единство мужа и жены и на единство вѣрующихъ. „Если у всѣхъ вѣрующихъ, какъ написано, была одна душа и одно сердце; если всякій, кто прилѣпляется къ Господу, есть *unus spiritus*, какъ сказалъ Апостоль; если мужъ и жена во плоти составляютъ одно; если всѣ люди, насколько дѣло касается природы (*ad naturam pertinet*), имѣютъ одну субстанцію; если Писаніе говоритъ о человѣческомъ, что многіе составляютъ едино, между тѣмъ какъ не можетъ быть никакого сравненія Божественнаго съ человѣческимъ: то тѣмъ болѣе Едино по Божеству Отецъ и Сынъ, у Которыхъ нѣтъ никакого различія ни *substantiae*, ни *voluntatis*“ ⁵⁾. Наконецъ, той же цѣли

1) De Trinitate I, XVI, 332 B;

2) *ibid* I, XVI, 337 A;

3) De incarnat. Domin. Sacram. IX, 105,

4) *ibid*. IX, 103;

5) De fide I, II, 18;

служить аналогія Павла и Аполлоса. „Какимъ образомъ (аріане) пытаются отрицать, что Отець и Сынъ едино, когда Павелъ и Аполлосъ и по природѣ (natura) и по вѣрѣ составляютъ едино? Но послѣдніе (въ отличіе отъ Бога) не могутъ быть единымъ во всемъ (per omnia), потому что чело-вѣческое не можетъ быть сравниваемо съ Божественнымъ“ ¹⁾. „Хотя два чело-вѣка и (могутъ быть названы) unius naturae по праву рожденія, но они различаются и временемъ и мыслями и дѣлами и мѣстомъ; и потому для обозначенія двухъ чело-вѣковъ нельзя употребить названіе unus homo, такъ какъ тамъ не имѣетъ мѣста unitas, гдѣ существуетъ diversitas. Богъ же называется Единымъ и этимъ обозначается слава и полнота Отца, Сына и св. Духа“ ²⁾. „Между людьми или въ людяхъ unitas только одной какой-либо вещи: или любви или желанія или плоти или благочестія и вѣры; generalis же unitas и то, что secundum Divinitatis gloriam обни-маетъ въ себѣ все, принадлежитъ только Отцу, Сыну и св. Духу“ ³⁾.

Утвердивъ такимъ образомъ единство природы и сущно-сти Ипостасей, Амвросій приписываетъ всѣмъ Имъ одина-ковые предикаты, разумѣется, кромѣ тѣхъ, которыми харак-теризуется образъ происхожденія и существованіе каждой изъ нихъ. Здѣсь онъ также имѣетъ точки соприкосновенія съ каппадокійцами и Дидимомъ. Всѣмъ тремъ Лицамъ при-надлежитъ una voluntas ⁴⁾, такъ какъ единство субстанции обусловливаетъ между ними idem velle, nolle, posse ⁵⁾; у Ди-дима рѣчь идетъ о *μία θέλησις* ⁶⁾. Затѣмъ Ипостаси объеди-няютъ una virtus ⁷⁾, *μία δύναμις* (Дидимъ) ⁸⁾, *ἡ δύναμις ἰσῆ* (св. Василій) ⁹⁾; una operatio (Амвросій) ¹⁰⁾ и una operatio (Ди-

1) *ibid* IV, III, 34;

2) *ibid*. V, III, 42;

3) *ibid*. V, III, 44;

4) *ibid*. IV, VII, 74;

5) *De Trinitate* I, XVIII. M. 344 c;

6) *De fide* IV, III, 35;

7) *De fide* IV, III, 35;

8) *De Trin tate* II, VII, 565 B;

9) *De Spiritu Sancto* VIII, 19, 104 A;

10) *De fide* II, X, 85; IV, VI, 68;

димъ ¹⁾; *ἰσὴ ἐνεργεία* (св. Василиій) ²⁾; una gloria (Амвросіѣ) ³⁾, *μία δόξα* (Дидимъ) ⁴⁾, (*οὐτε δόξα διαμερίζεται, διόδοξος, συνδοξαζόμενος*: ⁵⁾) una dominatio (сравнительно рѣдко—Амвросіѣ) ⁶⁾, *μία θεοκρατία* (Дидимъ); ⁷⁾ или regnum, или imperium (Амвросіѣ) ⁸⁾, *μία βασιλεία* (Дидимъ), ⁹⁾ *οὐτε τό κράτος σχίζεται* (св. Василиій) ¹⁰⁾; Deus Pater adoratur in Christo, coadoratur in Deo Spiritus, Deus adoratur in Spiritu (Амвросіѣ) ¹¹⁾, у Дидима также одно *προεκήρυξις* относится ко всѣмъ Ипостасямъ ¹²⁾, у Василия сынъ носитъ названіе *συμπροεκηρυόμενος* Отцу ¹³⁾. Между Амвросіемъ, Дидимомъ и св. Василиемъ так. образ. здѣсь много общаго. Все же, повидимому, Амвросіѣ и Дидимъ сильнѣе отстаиваютъ единство предикатовъ Ипостасей. тогда какъ св. Василиій больше указываетъ только на равенство этихъ предикатовъ и всѣхъ ипостасей. Амвросіѣ идетъ даже дальше Дидима, такъ какъ у послѣдняго изрѣдка говорится объ *ἐνωσις* въ (единеніи) между Ипостасями ¹⁴⁾, терминъ, который пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе у св. Василия въ зависимости отъ его понятія о сущности (*ἐν τῇ κοινωρίᾳ τῆς θεότητος ἐστὶν ἡ ἐνωσις*) ¹⁵⁾, тогда какъ Амвросіѣ употребляетъ исключительно болѣе сильныя ипост., или, или.

И. Адамовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

-
- ¹⁾ De Spiritu Sancto 17;
²⁾ De Spiritu Sancto VIII, 19; 104 A;
³⁾ De fide II, IX, 82; X, 85;
⁴⁾ De Trinitate I, 26, 385 c;
⁵⁾ De Spiritu Sancto XVIII, 45, 149 c; ср. Holl. s. 126;
⁶⁾ De fide II, III, 26;
⁷⁾ De Trinit. I, XXV, 377 c;
⁸⁾ De fide III, XII, 101;
⁹⁾ De Trinit. I, XXXI, 425 A;
¹⁰⁾ De Spiritu Sancto XVIII, 45, 149 c;
¹¹⁾ De Spiritu Sancto III, XI, 82;
¹²⁾ De Trinitat. III, II, 800 A;
¹³⁾ Holl. Amphilochius von Ikonikum, s. 169;
¹⁴⁾ De Trinitate II, II, 460 B,
¹⁵⁾ De Spiritu Sancto XVIII, 45; 149 c;